

Министерство культуры Российской Федерации
Федеральное государственное учреждение культуры
«Архангельский государственный музей деревянного
зодчества и народного искусства «Малые Корелы»

**МАЛЫЕ
КОРЕЛЫ**
музей деревянного зодчества
новые ценности – из зёрен традиции

Традиционная культура Русского Севера: истоки и современность

Сборник материалов
Всероссийской научно-практической конференции,
посвященной 45-летию музея «Малые Корелы»
(Архангельск, 8 – 11 июля 2009 года)

к 1420771

Вологодская областная
универсальная
научная библиотека
им. И. В. Бабушкина

Архангельск
Музей «Малые Корелы»
2010

24. Максимыч. «Немецкий» клад // Архангельск. – 1915. – № 147 (5 июля). – С. 4.
25. Мезень // Архангельск. – 1914. – № 57 (12 марта). – С. 4
26. Праздничные «развлечения». Село Чухчерема Холмогорского уезда // Архангельск. – 1908. – № 171. – С. 2 – 3.
27. Прохожий. Горе народное, с. Солза, Летний берег // Архангельск. – 1914. – № 40 (20 февр.). – С. 3 – 4.
28. Ростовский. Отголоски Масленицы // Архангельск. – 1914. – № 52 (6 марта). – С. 4
29. Рубенштейн С. Юрьев день. Холмогорский уезд // Архангельск. – 1910. – № 91 (27 апр.). – С. 4.
30. Святочные маскарады // Архангельск. – 1913. – № 10 (12 янв.). – С. 4.
31. Шамонтьев [Кирилловская волость Онежского уезда] // Архангельск. – 1915. – № 13 (17 янв.). – С. 4.
32. Широкая Масленица (Этнографическая заметка) // Архангельск. – 1914. – № 37 (14 февр.). – С. 2.

*А.В. Худякова,
аспирант, специальность «Фольклористика», ГОУ ВПО «Поморский
государственный университет имени М.В. Ломоносова», г. Архангельск*

Чудаки в устной народной прозе Пинеги

Назначением настоящей публикации является анализ устных рассказов жителей Пинеги, в которых повествуется о чудаках данной местности. Материал для работы был записан в Пинежском районе в 2008 – 2009 годах от респондентов в возрасте от 55 до 80 лет, являющихся местными жителями. При анализе текстов повествовательного фольклора мы обращались к трудам исследователей В.Я. Проппа, Ю.И. Юдина, Н.В. Дранниковой и других [4, 6, 2].

В жанровом отношении фольклорные тексты, содержащие элементы комического, могут быть отнесены как к устным рассказам, так и к анекдотам. Если рассматривать наши записи как жанр повествовательного фольклора, то в них преобладает установка на достоверность рассказываемого: исполнители указывали на место и время происходивших событий. Респонденты, как правило, сообщали о тех своих односельчанах, которые отличались от обычных людей, реже – о людях из соседних деревень, о которых они слышали от кого-то. Временные рамки повествуемых событий в рассказах ограничиваются воспоминаниями опрошенных, то есть их личным возрастом. Исследуемые рассказы также включают в себя жанровые признаки анекдота: их содержание строится на абсурдной логике, тексты обладают односюжетностью. Рассказы нашей коллекции близки к сюжетным типам, отмеченным в «Сравнительном указателе сюжетов. Восточнославянская сказка», – «О глуцах и простаках (пошехонцах)» (СУС 1200–1349) и «О дураках» (СУС 1675–1724) [5].

Персонажей анализируемых нами рассказов трудно назвать просто глуцами или дураками в прямом значении, так как их поступки не всегда являются по-

настоящему «глупыми»), хотя их поведение вызывает смех окружающих. Скорее их можно было бы назвать чудаками.

Устные рассказы сохранили восприятие жителями Пинеги событий, происходивших в начале XX века в стране, которые приводили к комическим ситуациям. Благожелательное восприятие революции представителями местного сообщества Пинеги произошло в результате абсурдно сделанных выводов об ее роли для народа и привело к результатам, противоположным ожидаемым. В рассказе говорится о том, как жители деревни Каскомень восприняли Октябрьскую революцию 1917 года. Она стала в их понимании тем периодом жизни, когда стало возможным вести праздный образ жизни. В результате чего логика локальной группы привела к появлению анекдотических рассказов о жителях этой деревни.

Когда узнали о революции, стали праздновать. Чтобы женки не добрались, они на плоту посреди реки в карты играли. Решили, что уже все – работать не надо. Все будет общее. И жены общие. Холода настали, они опомнились. Они в тот год сено косили уже в фуфайках¹.

Однако фольклоризовались не только устные рассказы о местных сообществах, но и об их отдельных представителях. Необычное поведение жителя деревни Лавелы Алексея Репишного породило рассказы среди его односельчан. Житель Пинеги Алеша был известен здесь как большой весельчак, любивший розыгрыши. Причем люди, зная об этом, охотно верили его рассказам и часто становились обманутыми. Шутки А. Репишного иногда больше были похожи на хулиганство, но поскольку все считали его чудаком, то над его проделками смеялись, не считая их обидными. В записанных текстах балагур выступает в роли мифологического персонажа – трикстера, для которого характерны хитрость, обман и трюкачество. В следующем рассказе респондент В.В. Тихонов сообщает о взаимоотношениях Алешы с женой Катериной, который проучил свою жену, когда та ослушалась мужа и не пошла мыться в баню.

Как-то раз он истопил баню. А Катерина работала поваром в столовой в Новолавеле. Она приходит с работы.

– Катя, пошли в баню.

– Я не пойду, потом схожу.

Не пошла Катерина в баню. Он вымылся. Всю горячую воду вылил, а налил в тазики холодной. Катя после пошла в баню. Баня-то горячая, а мыться-то одной холодяной. Он не мог без шуток. У него серьезно редко когда было².

Отметим, что не ко всем людям, обладающим чувством юмора, окружающие относились как к чудакам. Поведение персонажа другого текста рассказа из нашей коллекции воспринималось местными жителями таким образом, что они считали его дураком и за глаза смеялись над ним.

Один деревенский мужик был. Он считался не очень умным, так он говорил: «От минингита либо умирают, либо дураками становятся, а я выжил»³.

¹ Информант: В.В. Тихонов, 1955 г.р. (Личный архив А.В. Худяковой (далее – ЛАХ). – Ф. 37. – Оп. 2. – Л. 43).

² Информант: В.В. Тихонов, 1955 г.р. (ЛАХ. – Ф. 37. – Оп. 2. – Л. 45).

³ Информант: В.С. Репишный, 1969 г.р. (ЛАХ. – Ф. 37. – Оп. 2. – Л. 46).

Сюжет рассказа о чудаках может строиться на комической ситуации, которая возникала в результате путаницы одного персонажа с другим. Так, жительницы деревни Веегора испугались мужчину, переодетого в медвежью шубу. Данный рассказ близок к сюжетным типам русских сказок «Напуганные волки» (СУС 126 А*) и «Поп в козлиной шкуре» (СУС 831) [5].

Жену и женцину-соседку отправил за малиной. Он отвез их, сам домой поехал. Они малины-то набрали много. Целы таки коробочки набрали. Потом поехал за има. С той стороны объехал за километр вперед. Сам одел шубу, как наподобие медвежьей. Они малину-то собирают. Он ползет-ползет, дополз до них – как храпнет. Они всю малину бросили. И побежали. Бежали они шесть километров до избушки. Он тихонечко всю эту малину собрал. Шкуру с себя скинул и поехал¹.

Л.Н. Виноградова пишет о том, что во время колядования ряженые также надевали на себя меховую шкуру. Мех животного символизировал нечистоту, а сами колядовщики изображали умерших родственников, помогающих живым и опекающих их [1, с. 149 – 152]. В обряде посвящения, проводимого над юношами, переходящими в другую половозрастную группу, посвящаемый мог впасть во временное безумие. Как фиксирует В.Я. Пропп, в момент физических испытаний происходит временное затмение, вплоть до потери сознания. По мнению исследователя, «момент безумия был моментом вселения духа, то есть моментом приобретения соответствующих способностей» [4, с. 89 – 90]. Он отмечает связь ритуального безумства и аграрных праздников [4, с. 89]. Можно предположить, что в приведенном нами примере также прослеживается сочетание этих традиций.

Рассказы содержат мотивы описания внешнего вида персонажей. По мнению А.М. Панченко, отрицание общепринятых норм поведения и одежды на Руси было характерно для юродивых. Поэтому автор говорит о том, что слова «юродивый» и «дурак» являются синонимичными [3, с. 91 – 194]. Следующий текст, записанный нами, включает в себя мотив преднамеренного переодевания с целью вызвать смех окружающих. Нелепый внешний вид, неприятие общепринятых норм в одежде привело к тому, что житель деревни Чешегора Вася Чупаков в местном сообществе начал восприниматься в качестве чудака, или, говоря словами информанта, чудилы.

Чудила он. Он зимой ходил в резиновых сапогах. Летом ходит в магазин – на одной ноге резиновый сапог, на другой – валенок. Один сапог сорок седьмого размера, а другой – сорок девятого². На одну ногу – валенку с галошей, на другой – сапог резиновый, может тапку-шлёпку оденет. Раньше в клуб придет, а мы все: «Ха-ха-ха»³.

В заключение отметим, что нами рассмотрены лишь некоторые сюжеты устных рассказов о пинежских чудаках, которые содержат мотивы, связанные с их необычным поведением или внешним видом. Тексты данной группы сочета-

¹ Информант: Н.Ф. Кутьян, 1932 г.р. (ЛАХ. – Ф. 37. – Оп. 2. – Л. 51).

² Информант: Н.Ф. Кутьян, 1932 г.р. (ЛАХ. – Ф. 37. – Оп. 2. – Л. 48).

³ Информант: Е.Н. Родионова, 1959 г.р. (ЛАХ. – Ф. 37. – Оп. 2. – Л. 52).

ют в себе жанровые признаки устного рассказа и анекдота. Выявление более полного списка сюжетов – дальнейшая перспектива нашего исследования.

Примечания

1. *Виноградова Л.Н.* Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян. – М., 1982.
2. *Дранникова Н.В.* Локально-групповые прозвища в традиционной культуре Русского Севера. – Архангельск: Изд-во Помор. ун-та, 2004.
3. *Панченко А.М.* Смех как зрелище // *Лихачев Д.С., Панченко А.М.* «Смеховой мир» Древней Руси. – Л., 1976. – С. 91 – 194.
4. *Протт В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. – Л., 1986.
5. Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / сост. *В.Г. Бараг, И.П. Березовский, К.П. Кабашиников, Н.В. Новиков.* – Л., 1979.
6. *Юдин Ю.И.* Русская народная бытовая сказка. – М., 1998.

Я.Л. Юнина,
кандидат филологических наук, научный сотрудник
ФГУК «Архангельский государственный музей деревянного зодчества
и народного искусства «Малые Корелы», г. Архангельск

Образ печи в северорусских говорах

Отправной точкой для изложения материала данной статьи является положение об онтологической и функциональной сущности языка, а именно – его способности формировать, накапливать и передавать миропонимание и мировидение человека. В своем «наиболее полном и очищенном виде», по выражению В. фон Гумбольдта, характер (сущность) языка проявляется прежде всего в живой речи [6, с. 374], в связи с чем диалектная речь, в которой к условиям проявления сущности языка добавляется территориальный аспект, является «благодатной почвой» для этнолингвистических исследований.

Выбор подобного положения в качестве исходного пункта рассуждений обоснован непреходящей актуальностью изучения связей языка и действительности, слова и материальной реальности, лексического значения и духовного, культурного наследия народа: «...проблема того, как осуществляется переработка представлений о действительности, закрепление, накопление и хранение сведений о мире посредством языковых единиц, как и прежде, актуальна» [17, с. 13].

«Язык – вербальная сокровищница культуры нации, способ ее концентрации, поэтому все можно найти в этой самой загадочной и в то же время самой открытой сфере, в которую нужно уметь проникнуть, расшифровывая смыслы, символы, образы» [5, с. 29]. Назначение настоящей статьи – выявить и репрезентировать одну из великого множества крупиц «вербальной сокровищницы» культуры русского народа: совокупность языковых единиц, называющих и описывающих элемент северорусского крестьянского домоустройства – печь. При